

— Е. С. Шумигорский —

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА НЕЛИДОВА

Очерк из истории императора Павла

Евгений Севастьянович Шумигорский
Екатерина Ивановна
Нелидова. Очерк из
истории императора Павла
Серия «Биографии и мемуары»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43098194

*Екатерина Ивановна Нелидова. Очерк из истории императора Павла /
Евгений Шумигорский: Захаров; Москва; 2008
ISBN 978-5-8159-0730-0*

Аннотация

Царствованию императора Павла в последнее время посчастливилось в русской исторической литературе: о нем появились новые документы и исследования, имеющие ту особенную цену, что они, уясняя факты, выводят, наконец, личность императора Павла из анекдотического тумана, которым она окружена была целое столетие; вместе с тем, собирается громадный материал для освещения жизни русского общества Павловского времени и создается тот исторический мост между царствованиями Екатерины II и Александра I, отсутствие которого так чувствовалось и чувствуется при изучении событий русской истории начала XIX века. Уже теперь

результаты этой историографической работы подтверждают мысль князя Вяземского, близко знавшего современников Павловского царствования: «Все царствование Павла, вероятно, излишне очернено. Довольно и того, что было, но партии не довольствуются истиною». Мы, с своей стороны, полагаем, что история, в конце концов, сделает свое дело: проверит факты, объяснит их, и тогда истина, в смысле исторической закономерности, освобожденная от всего случайного и наносного, займет подобающую ей высоту, до которой не достигает ни похвала, ни порицание... В течение двадцати лет, в самое тяжелое время его жизни, Павла Петровича всячески поддерживал преданный и бескорыстный друг, фрейлина его жены, императрицы Марии Федоровны, – Екатерина Ивановна Нелидова. Настоящая книга пытается воссоздать ее образ на основе выпавшей ей исторической роли. Издание 1902 года, приведено к современной орфографии.

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	10
Глава вторая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

**Евгений Шумигорский
Екатерина Ивановна
Нелидова. Очерк из
истории императора Павла**

Печатается без сокращений по изданию:

Е.С.Шумигорский

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА НЕЛИДОВА (1758–1839)

Очерк из истории императора Павла

С.-Петербург

Скоропечатня П.О.Яблонского

1902

Предисловие

Царствованию императора Павла в последнее время по-счастливилось в русской исторической литературе: о нем появились новые документы и исследования, имеющие ту особенную цену, что они, уясняя факты, выводят, наконец, личность императора Павла из анекдотического тумана, которым она окружена была целое столетие; вместе с тем, собирается громадный материал для освещения жизни русского общества Павловского времени и создается тот исторический мост между царствованиями Екатерины II и Александра I, отсутствие которого так чувствовалось и чувствуется при изучении событий русской истории начала XIX века.

Уже теперь результаты этой историографической работы подтверждают мысль князя Вяземского, близко знавшего современников Павловского царствования: «Все царствование Павла, вероятно, излишне очернено. Довольно и того, что было, но партии не довольствуются истиною». Мы, с своей стороны, полагаем, что история, в конце концов, сделает свое дело: проверит факты, объяснит их, и тогда истина, в смысле исторической закономерности, освобожденная от всего случайного и наносного, займет подобающую ей высоту, до которой не достигает ни похвала, ни порицание...

Но все мы — люди: в прошлом своей родной страны, даже самом отдаленном, мы ищем оправдания своим воззрениям,

а в исторических наших занятиях, на рубеже XIX и XX веков, смотрим на события рубежа XVIII и XIX с точки зрения своих идеальных общественных требований, как, даст Бог, неизмеримо свысока будут смотреть и на нас потомки наши рубежа XX и XXI веков. Изучая события Павловского царствования, мы не можем сочувствовать нравственному уровню этого железного века, хотя в открывающемся перед нами историческом калейдоскопе не можем не удивляться оригинальной комбинации политических сил, постоянно борющихся между собою, но действовавших в одном и том же направлении и приводивших к одной и той же цели.

Император Павел, например, во все кратковременное свое царствование жаждал уничтожения сословных привилегий, водворения правды и законности в государстве, но, по революционному духу времени, для достижения этих целей употреблялись и революционные средства: административный произвол, ссылка и кнут; эта двойственность в политике Павла чувствовалась всеми: недаром французы называли его якобинцем на троне, крестьяне – Пугачевым, а раскольники – царем Развеем. С другой стороны, враги Павла – «наши русские Мирабо, за измятое жабо хлеставшие Гаврилу и в ус, и в рыло», были ли это масоны или вольтерьянцы – все равно, – смотрели на совершавшиеся кругом события, очевидно, с иной точки зрения, чем их крепостные, и права человека, «les droits de l'homme», прилагали лишь к себе и к своему сословию.

Первый шаг к уравниванию сословий был сделан несомненно императором Павлом, и хотя произведенная им «революция сверху» не сопровождалась такими ужасами, как французская, но жертвой ее сделался он сам. В этом смысле, по моему глубокому убеждению, Павел Петрович есть одно из самых трагических лиц нашей истории: фанатик своих идей, он вел непрерывно борьбу один против всех, и духовные его силы оказались недостаточны, чтоб безнаказанно вынести на себе всю ее тяжесть...

Наблюдая этот изменчивый круговорот политических идей и борьбу страстей человеческих, с сопровождавшими их повсюду низкими свойствами человеческой природы: эгоизмом, предательством, жестокостью, — историк отдыхает на изображении лиц, проявивших в волнующемся житейском море красоту душевную, которая везде и во все века, как высшее выражение человечности, невольно возбуждает сочувствие и удивление и в сущности является залогом нравственного совершенства общества, указывая каждому, чем он должен быть. Люди, носящие у себя в сердце эту искру Божию, не дают заглухнуть ей и у других; напротив, они питают ее, поддерживают ее пламя, и, таким образом, среди ужасов политической и общественной борьбы не позволяют ее деятелям забывать самого священного для них звания — человека и тем укрепляют, увеличивают их нравственные силы.

Павел Петрович в течение 20 лет, в самое тяжелое вре-

моя своей жизни, имел возле себя именно такого преданного, бескорыстного друга, полагавшего свое личное счастье в счастье видеть его добрым, любимым и уважаемым и постоянно напоминавшего ему о вечных, христианских началах любви и правды. Другом этим была фрейлина его супруги, императрицы Марии Феодоровны, – Екатерина Ивановна Нелидова, и на ее именно характеристике я, как историк Павловского времени, и позволяю себе немного отдохнуть.

Воссоздать полный образ Нелидовой, история которой заключается в развитии жизни по преимуществу внутренней, – довольно затруднительно: историческая психология, как и всякая другая, есть, в большинстве случаев, палка о двух концах. Поэтому в предлагаемом очерке жизни Нелидовой я ограничился лишь выпавшею на ее долю исторической ролью – ролью поэта, который, по отношению к Павлу,

И чувства добрые в нем лирой пробуждал,
И милость к падшим призывал...

4 марта 1898 года

Глава первая

Детство Нелидовой – Прием ее в Смольный институт – Характеристика институтского воспитания времен Екатерины – Отношение смольнянок к обществу и значение их в истории русской женщины – Первый выпуск Смольного института 1776 года – Нелидова как одна из пионерок русского просвещения

Восемнадцатый век есть по преимуществу женский век нашей истории: Екатерина I, Анна Иоанновна, Анна Леопольдовна, Елизавета Петровна, Екатерина II в течение 70 лет управляли судьбами России, почти без перерыва, следуя друг за другом; наконец царствование государя, закончившее собою этот богатый событиями век, – царствование несчастного по своей судьбе императора Павла, тесно связано, в светлых своих сторонах, со скромным именем Екатерины Ивановны Нелидовой, дочери простого армейского поручика.

Долгое время имя это окружено было таинственностью, которая, по словам единственного биографа Нелидовой, Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского, автора анонимной статьи о ней в «Русском Архиве» за 1872 год, «быть может, придавала некоторого рода прелесть ее памяти».

Но таинственность эта, в конце концов, однако, должна

была оказаться призрачною для такого крупного исторического лица.

Могущество влияния Нелидовой на Павла Петровича, чистота ее репутации и бескорыстие побуждений, оригинальная простота ее обстановки служили предметом постоянных, большею частью мало доброжелательных, толков современников. При распушенности нравов высшего русского общества XVIII века, благодаря обычному пошловатому его «умоначертанию», им легко было разгадать по-своему личность Нелидовой и характер ее отношений к Павлу I: имена Лавальер, Помпадур, Дюбарри и Елизаветы Воронцовой сами собою просились на язык каждому.

Но простейшее объяснение фактов, ввиду сложности жизненных отношений, не всегда бывает самым верным, и, при более внимательном изучении данных, оставшихся нам от Павловского времени, аналогия роли Воронцовой с ролью Нелидовой является по меньшей мере неполною. Теперь уже можно сказать с уверенностью, что фаворитизм Нелидовой при Павле возбуждает не фривольный, а чисто психологический интерес: нервная, надломленная и суровая натура Павла Петровича, в естественном стремлении своем к душевному равновесию, находила себе в свойствах ума и характера Нелидовой некоторое успокоение и поддержку; со своей стороны, в сознании искренности своих отношений к Павлу, Нелидова, до конца своей жизни остававшаяся восторженно-сентиментальной смольнянкой, гордилась мыслью, что ей

как бы суждено быть ангелом-хранителем государя, личные свойства которого, наряду с тяжелыми обстоятельствами его жизни, внушали ей живое участие. И действительно, Екатерина Ивановна Нелидова долгое время была другом Павла Петровича, хотя, к несчастью для него и для себя, не сумела остаться им навсегда.

О детстве Нелидовой не сохранилось подробных сведений. Известно только, что она родилась 12 декабря 1758 года от брака поручика Ивана Дмитриевича Нелидова с Анной Александровной Симоновой, в селе Климятине, Смоленской губернии, Дорогобужского уезда. Родители ее были люди весьма зажиточные, имея до 500 душ крестьян, в Смоленской и Тверской губерниях, но и семейство их было многочисленное: у маленькой Кати Нелидовой, кроме сестры Натальи, было пять братьев: Феодор, Андрей, Александр, Аркадий и Любим.

Детские годы Нелидовой протекли, без сомнения, при одинаковых условиях с детством всех помещичьих детей того времени, среди нянюшек и мамушек, на лоне деревенской природы, мирные впечатления которой навсегда запечатлелись в восприимчивой душе девочки. Для питомцев нянюшек и мамушек природа не была бездушной: одухотворенная народной поэзией, в сказках и преданиях, она уже говорила уму и сердцу ребенка прежде, чем он мог осмыслить ее явления, и Нелидова впоследствии, среди роскоши придворной жизни, никогда не забывала родного ей Климятина

и тамошней речки «Царица-водица», струи которой осенены были густыми деревьями, пугавшими девочку.

Но тихая, уединенная жизнь в Климятине не могла благоприятствовать образованию детей, а родители Нелидовой, очевидно, понимали пользу образования даже для девочек, о чем большинство дворян того времени и не думали. Едва только сделалась известна в глухой провинции новость об открытии в Петербурге, под особым покровительством императрицы Екатерины, воспитательного общества благородных девиц при Смольном монастыре, как Анна Александровна Нелидова решилась ехать в Петербург вместе с дочерью своей Екатериной, едва достигшей шестилетнего возраста, чтобы ходатайствовать о приеме ее в новое, дотоле неслыханное по своим задачам и обстановке учебное заведение.

Нужно знать, что, желая создать посредством воспитания «новую породу людей», императрица Екатерина пробовала устранить от воспитываемых девиц всякое постороннее влияние и потому поставила правилом, чтобы родители при приеме дочерей их в воспитательное общество давали подписку не брать их из заведения до окончания курса, который продолжался 12 лет: тогда только пойдем мы жертву материнской любви Анны Александровны, представившей свою дочь на первый прием воспитательного общества в начале 1765 года. «По опубликованному о воспитании благородных девиц уставу... желаю препоручить дочь нашу Екатерину,

рожденную от мужа моего Ивана Дмитриевича Нелидова», — так писала она в своем, как выражались тогда, «Объявлении».

Резолюцией императрицы на этом объявлении «следует принять» маленькая Нелидова оторвана была от родной семьи и, едва начав жизнь сознательно, попала в иную семью, в новую, совершенно чуждую ей обстановку. Она очутилась среди полусотни подобных ей девочек 4–6 лет; вместо нянюшек, медлительно вязавших свои чулки и еще медлительнее тянувших нескончаемые сказки об Иване-царевиче, появились образованные француженки и немки, не знавшие по-русски и почти исключительно заботившиеся о том, чтобы их маленькие питомицы поскорее усвоили себе французскую и немецкую речь и «благородные манеры»; о деревенском просторе и свободе нечего было и думать: вся жизнь «благородных девиц» протекала в красивом каменном квадратном здании, окружающем ныне Смольный собор, на окраине города, у берега Невы, и поставлена была в строгие, определенные рамки. Короче, все было приспособлено к тому, чтобы создание «новой породы людей» не могло встретить затруднений.

Целью учреждения Смольного института было воспитание девиц в духе гуманности, путем развития их ума и сердца, чтобы сделать их впоследствии «отрадою семейств» и способными не только смягчать «жестokie» и «неистовые» нравы русского общества XVIII века, но и воспитывать де-

тей. Но, вместе с тем, императрица была против того, чтобы девицы «умничали», и оттого обучение их в Смольном носило по преимуществу светский характер: все направлено было главным образом лишь к тому, чтобы они умели держать себя в обществе, вести непринужденный разговор на французском языке, быть любезными и веселыми и отнюдь не проявлять жеманства или кокетства.

Все разнообразные цели эти действительно достигались благодаря особым заботам Екатерины, первого попечителя института Ивана Ивановича Бецкого и всего учебно-воспитательного персонала заведения, во главе которого стояла француженка, вдова действительного статского советника, София Ивановна Делафон.

Институт представлял собой одну семью, так как дети были постоянно вместе и воспитательницы так же, как и Делафон, были при них неотлучно; это была, по словам одной из институтских подруг Нелидовой (Ржевской, в «Русском Архиве» 1871 года), «община сестер, подчиненных одним общим правилам; единственным отличием между воспитанницами служили достоинство и таланты. Делафон была умной наставницей, заменявшей воспитанницам мать и служившей им руководительницей: все институтки обращались к ней за советом и дорожили ее мнением о том или другом своем поступке».

Делафон действительно не только хотела, но и умела посвятить себя своим воспитанницам, которые, по выражению

устава Смольного института, «яко драгоценный для нее, для государства и отечества залог, были вверены благоразумному ее попечению». По уставу, все надзирательницы должны были поступать с воспитанницами во всем с крайним благоразумием и кротостью, «соединяя оные веселостью не иначе как с непринужденной веселостью и сие внушать молодым девицам, дабы таким способом отвращен был и самый вид всего того, что скукою, грустью или задумчивостью назваться может». Для достижения этой цели надзирательницы обязаны были «скрывать от воспитываемых ими детей свои собственные, домашние огорчения» и всеми мерами «не допускать у них уныния и задумчивости».

Самое преподавание не имело сухого, тем более удручающего для детей характера. Уроки были беседами учениц с учительницами, которые должны были особенно заботиться о том, чтобы девицы «не привыкли излишне важничать и унылый вид являть», иметь в виду свойства характера и способностей каждой воспитанницы, а в случае нерадения или лености ограничиваться увещаниями виновной; высшей мерой наказания было «пристыжение» пред классом, что, впрочем, очень редко встречалось, а нераскаянных ставили иногда на колени во время обедни. Устав института требовал также, чтобы «госпожи учительницы по окончании классов употребляли по несколько времени вступать с воспитанницами в разговоры, дозволяя каждой сказывать и объяснять свои мысли с пристойной вольностью».

Учебные занятия и сами по себе не были обременительными. За 12 лет пребывания в институте девицы должны были выучиться «исправно» читать, писать и говорить, кроме отечественного, на французском, немецком и итальянском языках, обучиться Закону Божию, арифметике, истории, географии и физике, в элементарных их курсах, и приобрести некоторые сведения из архитектуры и геральдики, которая в то дворянское время считалась важной наукой для «благородных девиц». Более всего учебного времени тратилось на занятия рукоделием, музыкой и танцеванием; из искусств, кроме рисования, воспитанницы изучали скульптуру и токарное дело. В свободное от учебных занятий время дети под руководством своих наставниц читали исторические и нравоучительные книги со строгим, впрочем, их выбором, чтобы ничто не могло преждевременно и вредно действовать на воображение детей или их нравственность.

При таком строе жизни неудивительно, что смольнянки первых выпусков о времени пребывания своего в институте вспоминали как о счастливейшем периоде своей жизни. Подруга Нелидовой, Ржевская (в девичестве Алымова), в записках своих объясняет, что «этого счастья нельзя сравнить ни с богатством, ни с блестящим светским положением, ни с царскими милостями, ни с успехами в свете, которые так дорого обходятся. Скрывая от нас горести житейские и доставляя невинные радости, нас приучили довольствоваться настоящим и не думать о будущем... Между нами царило

согласие; общий приговор полагал конец малейшим ссорам. Обоюдное уважение мы ценили более милостей начальниц; никогда не прибегали к заступничеству старших, не жаловались друг на друга, не клеветали, не сплетничали, потому не было и раздоров между нами. В числе нас были некоторые, отличавшиеся такими качествами, что их слова служили законом для подруг. Вообще большей частью были девушки благонравные и очень мало дурных, и то считались они таковыми вследствие лени, непослушания или упрямства. О пороках же мы и понятия не имели».

Эта трогательная простота и умиление, с которыми уже в старости рассказывает нам Ржевская об оранжерейной, теплой обстановке своего воспитания, лучше всего доказывают ту истину, что пригодность воспитательных теорий и сравнительное достоинство их определяется, главным образом, лишь потребностями общества, среди которого они прилагаются. Нравы были «жестokie», люди – «неистовые», жизнь, благодаря отсутствию общественных задач и интересов, – пустая и бесцветная: что могло быть привлекательнее для задач воспитателей, как не развитие внутренней жизни в юных питомицах, добродетели, основанной на чувстве и на незнании гнездившегося повсюду порока, – того «прекраснодушия» (*Schönseligkeit*), которое в то время даже в образцовых произведениях европейской литературы выставлялось идеалом нравственного совершенства человека?!

Оттого смольнянки, в том числе и Нелидова, видели свет

и солнце только тогда, когда это вызывалось задачами их воспитания, и лишь настолько, насколько это входило в его программу. Обыкновенно знакомство смольнянок со светом начиналось не ранее, как через 6 лет после поступления их в заведение, с переходом их в 3-й возраст — *серый*, отличавшийся от других серыми лентами на обычных для всех институток коричневых платьях, — и заканчивалось в последнем, 4-м, *белом*, возрасте, когда девицам было 14–15 лет и когда в обществе, куда они показывались, их считали уже взрослыми девушками. Для этой цели по воскресным и праздничным дням в Смольном устраивались ассамблеи, концерты и другие собрания, на которые приглашались, по строгому выбору, дамы, кавалеры и другие «почтительные» люди из высшего общества, чтобы, приобретая привычку к обхождению, девицы «могли пользоваться разумными, острыми, замысловатыми и забавными разговорами, которые молодой благородной девице столь нужны к достижению необходимых для нее познаний и для истинного воспитания»; разговоры эти происходили, разумеется, на французском языке, который смольнянки знали гораздо лучше природного, русского.

Иногда давались балы, на которые приглашались кадеты из Шляхетского корпуса. Вместе с тем, воспитанниц старшего возраста возили иногда ко двору, на вечера к Бецкому и к директору Шляхетского корпуса. В особенности обращено было внимание на устройство в Смольном театральных представлений, на которых все роли исполнялись девицами. Са-

ма императрица выбирала пьесы для институтских спектаклей и советовалась по этому поводу даже с Вольтером: давались обыкновенно высокопарные трагедии ложно-классического стиля или оперы и балеты сентиментального и пасторального характера (образцом может служить известная поэтическая интермедия Чайковского в его «Пиковой даме»), причем тщательно выбрасывались из исполняемых произведений все места, которые могли бы так или иначе оскорбить «чувствительность» девиц или сообщить им «ложные» понятия.

Так как каждому спектаклю предшествовало всегда много репетиций, то театральные занятия девиц отнимали у них много времени, мешая правильному ходу занятий учебных, но на это не обращали внимания, потому что именно устройство институтских спектаклей и удовлетворяло всего более задачам светского воспитания смольнянок, обнаруживая и изоцряя их светские и эстетические способности: девицы приучались держать себя на сцене, декламировали, исполняя в балетах самые трудные хореографические упражнения, пели, играли на разных музыкальных инструментах, — и все это часто в присутствии двора и самой государыни, которая лично хорошо знала всех смольнянок, в особенности первого приема, постоянно ласкала их и одной из них, любимице своей, Левшиной, писала даже письма, всегда приправленные ласковой шуткой, поручая ей «поклониться мелюзге коричневой, приласкать малюток голубых, поцеловать

серых сестер и обвитья руками вокруг шеи пилигримок белых, моих старых приятельниц».

В конце концов, нельзя не признать, что, по условным привычкам и отчасти по складу своего мирозерцания, смольнянки были плодом чисто аристократического воспитания: занятия домашним хозяйством, предположенные программой обучения, являлись простой декорацией, а введенные г-жой Делафон для ста нищих женского пола ежегодные обеды, которые устраивались 20 апреля, накануне дня рождения императрицы, и за которыми должны были прислуживать сами воспитанницы «в знак человеколюбия к ближнему и благодеяния к бедным», также были, по своей исключительности, лишь красивым сентиментальным спектаклем, где дети играли в добро.

Не зная вовсе ни людей, ни жизни, невинные и простодушные девушки выходили, однако, из института во всеоружии светского образования – для дворцов и гостиных высшего общества; оттого, усвоив себе идеальные понятия о добродетели, проникнутые сознанием своих обязанностей к Богу и к людям, смольнянки, очутившись в водовороте действительной жизни, оказывались чересчур наивными, прилагая свои прямолинейные институтские воззрения к фактам повседневной жизни, далеко не всегда давая им надлежащее значение и оценку и почти вовсе не умея отличать добродетель от красивого порока, завернувшегося в тогу добродетели.

Первая ученица первого выпуска, Алымова, спустя много лет писала в своих записках: «Вполне развитый разум и твердо коренившиеся в сердце нравственные начала способны были охранить смоляненок от дурных примеров», но та же Алымова прибавляет затем: «Скрывая от нас горести житейские и доставляя нам невинные радости, нас приучили довольствоваться настоящим и не думать о будущем. Уверенная в покровительстве Божиим, я не ведала о могуществе людей и навеки бы в нем сомневалась, если бы опыт не доказал мне, что упование на Бога не охраняет нас от их злобы».

Одним словом, школа Смольного института не только не готовила своих питомиц для жизни, но умышленно оставляла их в неведении о ней. Оттого на воспитанниц первых выпусков Смольного института историк должен смотреть с грустью и с глубоким сочувствием: они были, в большинстве случаев, агнцами искупления, положенными на алтарь русской дикости, – исторической жертвой, принесенной для развития «людскости» в русской семье и обществе, и, между тем, эти пионерки просвещения, вступая на предназначенное им поприще, были еще вполне детьми, в буквальном и переносном смысле этого слова, не понимавшими самого главного: ни смысла готовившейся им роли, ни людей, с которыми они бессознательно должны были бороться, смягчая их и перевоспитывая.

Но современники первых смоляненок смотрели на дело гораздо проще и любили выставять на вид одни лишь смеш-

ные стороны институтского воспитания, даже преувеличивая их. «Воспитанницы первых выпусков Смольного монастыря, – говорит один из них, – набитые ученостью, вовсе не знали света и забавляли публику своими наивностями, спрашивая, например, где то дерево, на котором растет белый хлеб? По этому случаю сочинены были к портрету Бецкого (он родился в Швеции, а получил образование в Германии) вирши, приводимые в «Записках» Греча:

Иван Иваныч Бецкий,
Человек немецкий,
Носил мундир шведский,
Воспитатель детский,
В двенадцать лет
Выпустил в свет
Шестьдесят кур,
Набитых дур.

В числе этих учениц первого выпуска, вышедших из Смольного в 1776 году, была и Екатерина Ивановна Нелидова.

Из предыдущего очерка институтской жизни можно себе представить, как она жила и чему научилась в институте. Индивидуальные свойства Нелидовой и ее способности, выдвинувшие ее из ряда других подруг, проявились довольно рано, когда ей не было еще и 12 лет. «Появление на горизонте девицы Нелидовой, – писала императрица Екатерина Левши-

ной, — феномен, который я приеду наблюдать вблизи, в момент, когда того всего менее будут ожидать, и это может случиться скоро, скоро!» Двенадцатилетняя девочка сделалась феноменом благодаря необыкновенной способности своей к танцам и чрезвычайной грации и живости движений во время игры на сцене. Нелидова была некрасива, но умные глаза, выразительность лица и подвижный, веселый характер заставляли забывать этот ее недостаток; очевидно, еще в институте Нелидова женским чутьем поняла, чем она может выделиться из ряда своих подруг.

«Весьма умная, Нелидова была отвратительно нехороша собою», — сообщает о ней ее соученица, Алымова, а между тем, эта «отвратительно-нехорошая» на вид девушка своим пением, грацией и танцами возбуждала всеобщий восторг в посетителях смольных спектаклей и сумела заинтересовать в свою пользу даже императрицу. После представления оперы «Служанка-госпожа», где Нелидова исполняла роль Сербины, современный поэт приветствовал ее следующими стихами:

Как ты, Нелидова, Сербину представляла,
Ты маску Талии самой в лице являла
И, соглашая глас с движеньями лица,
Приятность с действием и с чувствами взоры,
Пандольфу делая то ласки, то укоры,
Пленила пением и мысли, и сердца.
Игра твоя жива, естественна, пристойна,

Ты к зрителям в сердца и к славе путь нашла —
Нелестной славы ты, Нелидова, достойна,
Иль паче всякую хвалу ты превзошла!

Императрица подарила «феномену» бриллиантовый перстень, а в 1783 году приказала Левицкому написать с Нелидовой портрет, где она изображена была танцующей менуэт. Сценическому своему таланту Екатерина Ивановна Нелидова обязана была, вероятно, и тем, что при выпуске из Смольного она получила, будучи восьмой по счету, шифр и золотую медаль второй величины, а на акте произнесла благодарственную речь от имени выпускных на немецком языке.

Вслед за тем определилась и дальнейшая будущность Нелидовой: она назначена была фрейлиной ко двору супруги наследника престола Павла Петровича, великой княгини Наталии Алексеевны, вместе с подругами своими по выпуску: Левшиной (в замужестве княгини Черкасской), Борщовой (в первом браке — Мусиной-Пушкиной и во втором — Ховен), Алымовой (в первом браке — Ржевской, а во втором — Маскле) и Молчановой (в замужестве — Олсуфьевой).

Оставляя место своего воспитания, Нелидова навсегда, подобно прочим смольнянкам, сохранила к нему и к своей «matan», Делафон, самую теплую привязанность, соединенную с воспоминанием о самых лучших детских годах жизни, вдали от забот и горестей света, в котором Нелидовой, одной из первых, суждено было играть тяжелую роль,

отказавшись от личных радостей и личного счастья... Императрица, конечно, никак не воображала, что одной из созданных ею смольнянок выпадет на долю исполнять свою миссию – смягчать «жестokie» и «неистовые» нравы прежде всего по отношению к собственному ее сыну, великому князю Павлу.

Глава вторая

Назначение Нелидовой фрейлиной ко двору великого князя Павла Петровича – Влияние придворной жизни на Нелидову – Отношения Нелидовой к Павлу Петровичу и к великой княгине Марии Феодоровне – Нелидова и Мария Феодоровна в отношениях их к Павлу Петровичу – Влияние Нелидовой на Павла; размолвка ее с Марией Феодоровной – Разлад в жизни великокняжеской четы

Очутившись при дворе по воле императрицы, Нелидова с самого начала должна была окунуться в омут придворных интриг и всевозможных сплетен. Отчуждение малого, великокняжеского двора от большого, Екатерининского, не было ни для кого тайной, а внезапная кончина жены Павла Петровича, великой княгини Наталии Алексеевны, знавшей Нелидову по институту и благоволившей к ней, повлекла за собою, тотчас после поступления Нелидовой ко двору, второй брак Павла с принцессой Вюртембергской Софией-Доротеей, в православии нареченной Марией Феодоровной; молодая фрейлина участвовала даже при встрече новой своей повелительницы, при въезде ее в Россию, сопровождая назначенную императрицей для этой цели статс-даму, графиню Е.М. Румянцеву.

Положение 17-летней неопытной и несомненно даже на-

ивной девушки, не имевшей среди придворных ни родственников, ни друзей, было бы при таких обстоятельствах не только затруднительным, но даже и опасным, если бы первые два года она не находилась под руководством известной по своим нравственным достоинствам графини Е.М.Румянцевой, которая в качестве гофмейстерины великой княгини заведовала ее фрейлинами, и если бы проницательный ум и твердый, самостоятельный характер Нелидовой не помогли бы ей быстро освоиться с новой для нее обстановкой. Во всяком случае, Нелидова должна была испытать много огорчений, прежде чем насторожилась и, утратив институтскую свою наивность, основательно узнала «придворную науку», чувствительно доказавшую ей на практике, что не всегда порок бывает наказан, а добродетель торжествует. Иными глазами, чем в институте, начала она смотреть и на императрицу, свою благодетельницу, хотя Северная Семирамида подверглась ее оценке по преимуществу с женской точки зрения.

При виде натянутых отношений Екатерины к сыну, симпатии Нелидовой влекли ее на сторону Павла Петровича, этой, как ей казалось, жертвы материнской несправедливости: любезный, рыцарский характер молодого, 24-летнего великого князя, его выпретенные стремления к правде и народному благу как нельзя более отвечали институтским воззрениям на жизнь, а его религиозность и тихая семейная жизнь представляли слишком разительный контраст с обра-

зом жизни большого двора.

С новою великою княгиней сближало Нелидову общее им обоим сентиментальное направление, любовь к природе и постоянные хлопоты по устройству маленьких придворных праздников, где Нелидова неизменно блистала своими сценическими талантами. Но в характере Марии Феодоровны было слишком много немецкой методичности, тогда как ее фрейлина отличалась чрезвычайною подвижностью и порывистостью, — тем, что она сама впоследствии называла порывами характера, «*les bizarreries de caractere*»; кругозор великой княгини ограничивался семейными и хозяйственными заботами, а строгое соблюдение кодекса нравственных правил уживалось у нее с практичностью, умением даже в мелочах применяться к обстоятельствам, тогда как Нелидова, поступив ко двору прямо из института, вынуждена была сама вырабатывать себе мирозерцание, вне круга семейных и домашних мелочей, и менее всего способна была, по свойствам своего характера, постоянно взвешивать свои слова и поступки. Оттого Павел Петрович считал ее сначала страшно злою, а Мария Феодоровна вообще, следуя наставлениям мужа, осторожно относилась к своим фрейлинам и смотрела на Нелидову несколько свысока, проводя свободное время с выписанною из Монбельяра подругой своего детства, Юлианой Шиллинг фон Канштадт, которую она выдала за муж за майора гатчинских войск Бенкендорфа. Из лиц, составлявших малый двор, Нелидова всего более сблизилась

с фрейлиной Борщовой, подругой своей по институту, и товарищем детства великого князя, князем Александром Борисовичем Куракиным, легкомысленный и тщеславный нрав которого искупался, в глазах Нелидовой, его преданностью Павлу Петровичу и веселым характером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.